

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА, ЕГО ЖИЗНЬ, СОЧИНЕНИЯ И УЧЕНИЕ

... В истории философии, вообще, есть странные циклы, нечто вроде игры соответствий... Ну, скажем так, греческая философия началась ведь, в сущности, с Сократа, и почему-то всегда, когда философия начинается снова, она начинается Сократом... Просто под другим именем... Так вот, в основе таких циклов лежит сократовский опыт. Он повторяется...

(М. К. Мамардашвили)

«Следуй не пустым хитросплетениям софистов, не раздвоенным копытам свиней, но вкушай от тех книг, в коих рассматриваются такие или им подобные предметы: Что есть философия? Ответ: пребывать наедине с собою, с самим собой уметь вести беседу. (...) Именно такими книгами душа готовится к чтению Св. Писания, которое является раем благочестивых и ангельских умов, на которое всегда взирают, но никогда не пресыщаются, — писал Григорий Сковорода осенью 1762 года в латинском письме своему юному другу и ученику Михаилу Ковалинскому. — Взирай на тех людей, чьи слова, дела, око, походка, движения, еда, питье, короче говоря, вся жизнь направлена внутрь... Они не стремятся за летающими тварями за облака, но заняты единственно своей душой и внимают самим себе, пока не приготовят себя как достойную обитель Бога. И когда Бог вселится в их души, когда воцарится в них, тогда то, что толпе представляется чем-то невыносимым, ужасным, бесплодным, будет для них божественным нектаром и амброзией, кратко сказать — «веселие вечное» и т. д.»^a

Пройдут годы, и постаревший Ковалинский, завершая написанную в назидание потомкам «Жизнь Григория Сковороды» (наиболее полный и достоверный источник сведений об украинском мыслителе), почтит память учителя и друга такой вот стихотворной эпитафией:

Ревнитель истинны, духовный Богочец,
И словом, и умом, и жизнью Мудрец;
Любитель простоты и от сует свободы,
Без лести друг прямой, доволен всем всегда,

^a Сковорода Г. Сочинения. В 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1974. С.197—198, с исправлениями; лат. оригинал см.: Сковорода, Григорій. Повна академічна збірка творів /За ред. проф. Леоніда Ушкалова. Харків: Майдан, 2010. С.1071; далее страницы этого издания указываются в тексте; орфография упрощена).

Достиг на верх наук, познавши дух природы,
Достойный для сердец пример, Сковорода.
(С.1375)

Здесь природа — не только мироздание с его обязательными и неукоснительно работающими законами, но и сокровенная суть человека, а наука — прежде всего самопознание, забота о своей душе, выявляющая, опознающая, дающая возрасти и осуществиться этой сокровенной сути.

Оставшийся в народной памяти «старец», бесребреник, нищий и бездомный странник, «любитель священных Библии» Григорий Саввич Сковорода был одним из самых образованных людей своего времени. Гонимый недоброжелателями и клеветниками, не желавший ни ловчить, ни прислуживаться, он всегда находил возможность реализовать свою великолепную внутреннюю свободу вовне и отстаивать собственное достоинство перед сильными мира сего, — мира, ловившего его клейкими тенетами страстей и соблазнительных компромиссов. Поэт, песни которого долгое время после его смерти пели соотечественники; педагог, чьи ученики, друзья и знакомые собрали в 1803 году нужную сумму денег для основания Харьковского университета; принципиальный космополит, гражданин мира, нежно любивший «мать-Малороссию и тетку-Украину»; мудрец и мистик, неустанно ведущий в сердце «духовную брань», взыскующий Града Невидимого, Горнего Иерусалима, с мучительной остротой переживающий трагическую двойственность бытия:

Мир сей являет Вид Благолепный.
Но в нём таится Червь неусыпный. (...)
Горе ти, Мире! Смех вне являеш.
Внутр же Душею тайно рыдаеш.
(С.933)

Образ Сковороды очень рано становится объектом мифологизации, это заметно уже в воспоминаниях Ковалинского.^a На протяжении XIX — к началу XX в. складывается один из самых важных сюжетов «сковородиновского мифа»: первый отечественный философ, зачинатель национальной философской традиции...^b Рассказывают, что Владимир Соловьев читал друзьям «Краткую повесть об Антихристе», сидя под портретом своего предка — Сковороды. «В лице Сковороды происходит *рождение философского разума в России*; и в этом первом же лепете звучат новые, незнакомые но-

^a См.: Марченко О. Некоторые замечания о восприятии личности и учения Григория Сковороды в России XIX–XX вв. //Созидающая верность: К 90-летию А. А. Тахо-Годи. М., 2012. С. 147—160.

^b См.: Марченко О. В. Григорий Сковорода и русская философская мысль XIX—XX вв. Исследования и материалы. Часть I. М., 2007.

вой Европе ноты, объявляется определенная вражда рационализму, закладываются основы совершенно иного самоопределения философского разума», — писал, разрабатывая концепцию оригинальной русской философии, Владимир Эрн.^a Многозначительным упоминанием украинского мудреца завершает свой знаменитый роман «Петербург» Андрей Белый. «Григорий Саввич Сковорода примечателен, как первый философ на Руси в точном смысле слова, — итожил в эмиграции о. Василий Зеньковский. — (...) Хотя Сковорода в своем развитии чрезвычайно связан с церковной жизнью Украины, но он далеко выходит за ее пределы и по существу созвучен общерусской духовной жизни».^b

Сковороду называли харьковским Диогеном, нашим Пифагором и Ксенофаном, степным Ломоносовым и т.п. В советское время его предупредительно выдавали за материалиста и атеиста и чуть ли не предтечу марксизма-ленинизма. Некоторые представители украинской эмиграции писали о Сковороде как о создателе «украинской национальной идеи». Сейчас иные горячие головы сравнивают его с Кьеркегором, Хайдеггером, Поппером, Хинтикой и даже с Буддой, Христом и Магометом! Впрочем, всегда находились и те, кто наотрез отказывались признавать в Сковороде философа, видя в нем лишь странствующего глашатая тривиальных моральных постулатов, полуретика, полу-сектанта.

Сам Сковорода, судя по всему, осознавал себя философом, «Сократом на Руси», и для этого были определенные основания. Он вел со своими учениками сократические «дружеские беседы», темой которых были человек и его воспитание в добродетели, самопознание, душевный покой и счастье как результат следования своей внутренней натуре, «сродности». Умело, с хорошим педагогическим тактом вводил собеседников в мир многовековой европейской культуры, в которой он, представитель позднего барокко, чувствовал себя как дома. У него был и «демон», схожий с сократовским, внутренний *голос* (по определению Сковороды — «внутренний ангел предводитель во всех делах»). Как и Сократ, Сковорода принадлежал к тому немно-

^a Эрн В. Ф. Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. М., 1912. С.333. См. также подготовленное нами переиздание в журнале «Волшебная Гора» (М., 1998. Т. 7. С.26—157).

^b Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. Ч.1. Л., 1991. С.65. Теряя всякую меру, Б. П. Вышеславцев писал в работе «Вечное в русской философии» (1955 г.): «Первый оригинальный русский философ, каким я признаю Сковороду, русский мыслитель, богослов, поэт, еще в середине 18-го века сразу выразил весь будущий характер русской философии и все его древние истоки. (...) Это был русский европеец и всечеловек, каким Достоевский мечтал видеть человека вообще в своей пушкинской речи. (...) В личности Сковороды воплощаются, в сущности, все заветные устремления и симпатии русской философии, которые затем воплотились в личности Вл. Соловьева и всей нашей плеяды русских философов эпохи русского возрождения, как-то: братья Трубецкие, Лопатин, Новгородцев, Франк, Лосский, Аскольдов и мы немногие, которые еще можем напомнить новому поколению, в чем состоит дух и трагедия русской философии, и которые старались ее продолжать в своих трудах за рубежом» (Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С.155, 156).

гочисленному ряду мыслителей, чья жизнь строго соответствовала их учению, слово не расходилось с делом. Именно эта цельность, столь искомая последующими отечественными мыслителями, прежде всего и привлекала почитателей Сковороды, в том числе и Льва Толстого. Наконец, не будучи ни великим религиозным реформатором, ни мыслителем ранга Канта и Хайдеггера, Сковорода был все же настоящим философом, а это немало.

Сковорода-философ — периферийное явление европейского интеллектуального процесса XVIII в., века Просвещения. «Я потратил около сорока лет на паломничество (...), целью которого были поиски философского камня, именуемого истиной, — писал один из властителей дум того времени, Вольтер, у которого, как известно, было много почитателей и в России. — Я советовался со всеми поклонниками античности, с Эпикуром и Августином, Платоном и Мальбраншем, но остался при своей бедности. Быть может во всех этих философских горнилах содержится одна-две унции золота; все же остальное — тлен, безвкусное месиво, из которого ничто не может родиться. (...) Что же остается нам после положений древних философов, сведенных мною воедино настолько, насколько я мог? Хаос химер и сомнений. Не думаю, чтобы на свете существовал хоть один философ-системосозидатель, который не признался бы в конце своей жизни, что он даром терял свое время. Следует признать, что изобретатели в области искусства механики оказались значительно полезнее людям, чем изобретатели силлогизмов: тот, кто изобрел ткацкий станок, имеет несказанное преимущество перед тем, кто придумал врожденные идеи».^a Подобного рода салонная софистика вряд ли вызвала бы у Сковороды что-либо кроме улыбки. И такое «паломничество», — и сам «паломник» в виде человека-машины Ж.О.де Ламетри, или человека-инструмента, человека-как-особым-образом-организованного-куска-мяса другого властителя дум, Дени Дидро, который в «Разговоре в Д'Аламбером» утверждал: «Мы — инструменты, одаренные способностью ощущать и памятью. Наши чувства — это клавиши, по которым ударяет окружающая нас природа и которые часто издают звук сами по себе (...). Если вы признаете, что между животным и вами разница только в организации, то вы обнаружите здравый смысл и рассудительность (...). Во вселенной, в человеке и в животном есть только одна субстанция. Ручной органчик — из дерева, человек — из мяса. Чижик из мяса, музыкант — из мяса, иначе организованного; но и тот и другой одного происхождения, имеют одинаковое устройство, одни и те же функции, одну и ту же цель»^b. Такой человек, такой здравый смысл, такая рассудительность и такое просвещение вызвали бы у обладавшего недурным чувством юмора Сковороды реплику вроде следую-

^a Вольтер. Философские сочинения. М., 1988. С.685—686, 689.

^b Дидро Д. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1986. С.385—386, 387, 388.

щей: «Право, ты, друг, забавен, люблю тебе. Можешь и о враках речь вести трагедиально. Вижу, что твой хранитель есть то ангел витийства. Тебе-то дано, как притча есть: «Ex musca elephantem, Ex cloaca arsem» скажу на прямой: из kota Кита, а Из нужника создать Сион» (С.438).

По мере того, как классическая «просветительская» парадигма философствования сама перемещалась на периферию, возрастал интерес к маргинальным фигурам, в том числе и к Сковороде.

Украинский мыслитель восстановил и реализовал в своей жизни и учении древнее, исконное представление о философии. Любовь к мудрости, софийному мастерству, философия — не сумма готовых знаний, которую следует лишь усвоить, а затем передать ученикам и последователям. Философия — прежде всего путь, рискованный поиск, впервые выявляющий природу человека, преобразующий сам режим его существования. Это аскетическое усилие как креативный акт, экзистенциальное предпочтение, «снимающее» без-у-словность мировой данности и позволяющий бытию явить, а человеку услышать голос логоса, смысла, истины. Усилие, пробуждающее самосознание, неустанная работа по поддержанию его бодрствования, «стояние на страже» интеллектуальное и нравственно-эмоционально-волевое. Именно в этом определенном образе жизни коренится философский дискурс,³ но философ — больше, чем его дискурс, ибо сам он — знак, жест, фигура трансцендентного, явленного предельно жизненно и конкретно. Важно также, что философия, это «веселое ремесло и умное веселие» (Вяч.Иванов), насквозь пронизана стихией игры, она и родилась в этой стихии, о чем философ не забывает даже перед смертью. «Как нам похоронить тебя, Сократ? — спрашивали философа ученики. — Как угодно, — отвечал Сократ, — если, конечно, сумеете меня схватить и я не убегу от вас». Помнил это и Боэций, беседующий в темнице с Утешительницей-Философией. Напоминал об этом и Сковорода, завещав написать на его могильном камне знаменитое: *Мір ловил меня, но не поймал.*

Григорий Саввич Сковорода родился 22 ноября (3 декабря) 1722 г. в селе Чернухи на Полтавщине, в семье малоземельного казака. В 1734—1753 гг. учился, с двумя перерывами, в Киево-Могилянской Академии, где сразу же был отмечен как один из лучших студентов. Описываемое время — не самое значительное в истории некогда знаменитой Академии, хотя Сковороде довелось слушать лекции таких известных профессоров, как Михаил Козачинский, Георгий Конисский, Стефан Тодорский. Кроме академических штудий, будущий философ неустанно занимался самообразованием. Из стен Академии Сковорода вынес превосходное знание античной литературы, древних и новых языков — и стойкую неприязнь к схоластике.

³ Эта проблематика концептуально и обстоятельно рассматривается в книге Пьера Адо 1995 г. (Адо П. Что такое античная философия? М., 1999).

1742—1744 г. Сковорода проводит в российских столицах в качестве певчего придворной капеллы — у него был прекрасный голос. Едва возобновив прерванную учебу, в 1745 г. в составе комиссии генерала Ф. Вишневого (поставка токайских вин к императорскому двору) он отправляется в Венгрию, а оттуда уже самостоятельно — в нынешнюю Словакию, Австрию и, возможно, Германию и северную Италию. Точный маршрут путешествия — а оно длилось пять лет — неизвестен, но цель его Ковалинский называет вполне определенно: Сковорода, «любопытствуя по охоте своей, старался знакомиться наипаче с людьми, ученостию и знаниями отлично славимыми тогда. Он говорил весьма исправно и с особливою чистотою латинским и немецким языком, довольно разумел эллинский, почему и способствовался сими доставить себе знакомство и пріязнь ученых, а с ними новые познанія, каковых не имел и не мог иметь в своем отечестве» (С.1343).

По возвращении Сковорода приглашен преподавать теорию поэтического искусства в коллегииум Переяславля (Хмельницкого), откуда, впрочем, был скоро изгнан из-за отказа привести свой курс, в котором имелись какие-то новации, в соответствие с установленными образцами (текст не сохранился). «Лета, дарованія душевныя, склонности природныя, нужды житейскія звали его попеременно к принятію какого-либо состоянія жизни, — рассказывает Ковалинский. — Суетность и многозаботливость светская представлялась ему морем, обуреваемым безпрестанно волнами житейскими и никогда плывущаго к пристани душевного спокойствія не доставляющим. В монашестве, удалившемся от начала своего, видел он мрачное гнездо спершихся страстей и, за неименіем исхода себе, задушающих бытіе смертоносно и жалостно. Брачное состояніе, сколько ни одобрительно природою, но не пріятствовало беспечному его нраву. Не реша себя ни на какое состояніе, положил он твердо на сердце своем снабдить свою жизнь воздержаніем, малоудовольством, целомудріем, смиреніем, трудолюбіем, терпеніем, благодушеством, простотою нравов, чистосердечіем, оставить все искательства суетныя, все попеченія любостяжанія, все трудности излишества. Такое самоотверженіе сближало его благоуспешно к любомудрію» (С.1347).

Он работает домашним учителем, отвергает неоднократно предлагаемый — как начало церковной карьеры — монашеский сан, с 1759 по 1769 г. с перерывами преподает поэтику, древнегреческий язык и катехизис в Харьковском коллегииуме.^а Растет его известность как педагога, мыслителя и поэта, вызывая, однако, неоднозначное отношение со стороны городских обывателей и некоторых представителей духовенства, обвинения в неортодоксальности взглядов и дурном влиянии на молодежь.

^а Об этом учебном заведении см.: *Посохова Л. Ю.* Харківський колегіум (XVIII — перша половина XIX ст.). Харків, 1999.

Все это понемногу готовило Сковороду к его главному жизненному решению. С 1769 г. и до конца дней он ведет жизнь странствующего философа, «старчика», — своеобразное монашество в миру. С палкой в руках, с торбой за плечами, в которой лежат нехитрые пожитки, Библия, рукописи, флейта, он скитается по дорогам Слобожанщины, находя временный приют у друзей и знакомых в дворянских усадьбах, монастырях, селах, хуторах, на пасеках. Это многолетнее странствие Сковороды не означало ни угрюмости, ни озлобленности. «... Многие спрашивают, — писал философ Ковалинскому, — что делает в жизни Сковорода? Я же о Господе радуюсь. Веселюсь о Боге, Спасе моем». Не было здесь и отчужденности, замкнутости, отказа от общения с людьми, — напротив, общение продолжалось в дорожных встречах, во время недолгих остановок-гостеваний, в весьма активной переписке. «Сковорода всегда в человеческом окружении, — хорошо пишет об этом современный биограф. — Ему здесь не тесно, ему с каждым есть о чем поговорить. Даже пустынножительство в лесном захолустье, он своими письмами продолжает разговор с десятками разных людей. (...) Сократическое начало в личности Сковороды (...), может быть, прежде всего обнаруживает себя именно в этом его свободном самочувствии на людях, в ошеломительной мощи житейского опыта, в неутомимом желании перекинуться с кем-нибудь словом-другим, а там, глядишь, втянуть в беседу, разбудоражить дерзкой мыслью, и все это с улыбкой, почти шутя...»^a

Однако его странствие — это движение, сохраняющее автономность, самозаконность, внутреннюю логику, направленное через все препоны, задержки, остановки к вожделенной гавани, искомой блаженной полноте *покоя*, что отразилось и в понимании Сковородой природы мысли: «Глава в Человеке всему Сердце человеческое. Оно то есть самый точный в Человеке Человек, а прочее все Околица (...) А Что же есть Сердце, если не душа? Что есть душа, если не бездонная Мыслей бездна? (...) Мысль есть Тайная в телесной нашей Машине Пружина, Глава и Начало всего движения Ея (...). Мысль никогда не почивает. Непрерывное стремление Ея есть то желание. Огонь угасает, река останавливает, а невещественная и безстихийная Мысль, носящая на себе Грубую бренность, как ризу Мертвую, движение свое прекратить (хоть она в теле, хоть вне тела) никак не сродна ни на Одно Мгновение и продолжает равномолнйное своего Летанья стремление чрез неограниченни вечности Миллионы безконечни. За чем же Она стремится? Ищет своей сладости и покою: Покой же ея не в том, чтоб остановиться и протянуться, как мертвое тело; живой Ея Натуре, или породе, сіе несродно и чуждо. Но противное сему: Она, будь-

^a Лоциц Ю. М. Сковорода. М., 1972. С.151. О жизни Сковороды см. также: Багалій Д. І. Український мандрований філософ Григорій Сковорода. К., 1992 (первое изд.: 1926); Махновець Л. Григорій Сковорода. Біографія. К., 1972; Ушкалов Л. Ловитва неловного птаха: Життя Григорія Сковороди. К., 2017.

то во странствіи находясь, ищет по Мертвым стихіям своего сродства: и подлыми Забавами не угасив, но пуще распалив свою жажду, тем стремительнее от рабелепной вещественной Природы возносится к вышней Господственной Натуре, к родному своему и безначальному Началу, дабы, сянїем Его и Огнем Тайнаго Зренія очистившись, уволнитись телесной Земли и Землянаго Тела. И сіе-то Есть вніти в Покой Божій, очиститися всякаго тленія, зделать совершенно вольное стремленіе и безпрепятственное движеніе, вылетев из телесных вещества Границ на свободу духа...» (С.523, 524).

Именно в пору странствий Сковорода написал свои основные сочинения. Умер философ 29 октября (9 ноября) 1794 г. в селе Пан-Ивановка под Харьковом (ныне Сковородиновка).

Сочинения Сковороды при жизни не публиковались и распространялись в рукописных копиях. Некоторые из его стихотворных произведений стали весьма популярными песнями, в частности, знаменитая Песнь 10-я из сборника «Сад Божественных Песней»:

Всякому городу нрав и права.
Всяка имеет свой ум голова.
Всякому сердцу своя есть любовь.
Всякому горлу свой есть вкус каков.
А мне одна только в свете дума.
А мне одно только не идет с ума. (...)
(С.60)

Перу Сковороды принадлежит трактат по христианской этике «Начальная Дверь ко Христїанскому Добронравію», несколько философских диалогов и трактатов — «Наркїсс», «Симфонїа, нареченная Книга Асхань о Познанїи самага себе», «Дїалог, или Разглагол о древнем міре», «Разговор Пяти путников о истинном щастїи в жизни», «Кольцо», «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь Мира», «Книжечка о Чтенїи Священнаго Писанїя, нареченна Жена Лотова», «Дїалог. Имя ему: Потоп змінн» и др., две притчи — «Благодарный Еродїй» и «Убогїй Жайворонок» и две великолепные «мениппеи» — «Брань Архистратига Михаила со Сатанюю о сем: Легко быть Благим» и «Пря Бесу со Варсавою». Сковорода — автор разножанровой лирики (сборник «Сад Божественных Песней, прозябшїй из зерен Священнаго Писанїя», «Разговор о Премудрости», «De libertate», «In Natalem Jesu», «Quid est virtus» и др.), басен в прозе (сборник «Басни Харьковскїя»), стихотворных «фабул» («Fabula», «Fabula de Tantaloo»), переводов греческих (Плутарх Херонейскїй), латинских (Теренцій, Цицерон, Гораций) и новолатинских (М. А. Муре, С.де Гозїй) писателей. Следует упомянуть и многочисленные письма, в том числе латинские в большинстве своем послания М. Ковалинскому.

Распространенное мнение о Сковороде как «философе без системы» является, безусловно, анахронизмом. Форму систематизаторского трактата Сковорода, в самом деле, не любил. Однако цельность его натуры и жизни как опыта свободного построения своего бытия проявилась и в цельности его мышления — мышления поэта и философа позднего провинциального барокко. Главные моменты метафизики Сковороды и формы ее вербально-иконического выражения (персоналистически истолкованный платонизм, доктрина «безначальной истины» и Софии-Премудрости Божией, библейская герменевтика, диалогические жанровые структуры) являют собой *остроумное* единство барочного «концепта», вобравшего в себя и оригинально структурирующего многообразие идей, тем и образов предшествующих эпох европейской культуры.

В учении Сковороды вполне отчетливо можно выделить следующие традиционные аспекты:

теология: учение о сверхсущем Едином, о Божестве и ступенях его эманации, неоплатоническая интерпретация христианской тринитарной доктрины в форме учения о *трех мирах*, теодицея;

онтология: платонизированное учение о *двух натурах* и *трех мирах* как метафизическая парадигма диалектики сверх-сущего, сущего и не-сущего;

гносеология: обретение истины на пути «эротического» восхождения к «первоистоку»-архѣ, герменевтическая природа познания ноуменального уровня вещей, «познай самого себя», онтологическое понимание истины;

антропология: учение о «внутреннем человеке» — отрасли божественного Логоса, взаимоотражение микро- и макрокосма в связи с проблемой $\theta\epsilon\omega\sigma\iota\varsigma$ 'а (обожения), апокатастасис и связанное с ним дистанцирование от христианской инкарнационной мистерии, понимание человека как сущности, владеющей бытием-для-себя;

этика: персоналистический мимесис *идеи* человека, «неравное всем равенство», *αὐτάρκεια* (самодостаточность), аскеза;

эстетика: прекрасное — *идеи* вещей в интеллигибельном свете Единого, безбразное — $\mu\eta\ \omicron\upsilon$, результат утраты эйдосами своей самоидентичности; творчество как демиургическая работа над становлением вещей на пути приведения небытия к Бытию.^а

Вся эта проблематика тесно связана с философской мыслью Античности, Средневековья, Ренессанса и Барокко, представленной именами Платона, Плотина, Эпикура, Плутарха, Цицерона, Сенеки, Лукиана, Филона Александрийского, Климента Александрийского, Оригена, Евагрия Понтийского, Дионисия Ареопагита, Максима

^а Подробно эта интерпретация представлена в кн.: Ушкалов Л. В., Марченко О. В. Нариси з філософії Григорія Сковороди. Харків, 1993, и в других работах этих авторов.

Исповедника, Эразма Роттердамского, Феофана Прокоповича, Михаила Козачинского, Димитрия Ростовского, Паисия Величковского и др.^a

«...Необозримое множество умов вот уже третье тысячелетие спорит, волнуется, горячится из-за Платона, поет ему дифирамбы или снижает его до уровня обывательской посредственности, — писал в свое время А. Ф. Лосев. — Можно сказать, что Платон оказался какой-то вечной проблемой истории человеческой культуры...» К ряду представителей европейской метафизики, учение которых невозможно понять вне Платона и длительной традиции платонизма, следует причислить и «прекрасного мыслителя XVIII ст.» Григория Сковороду.^b Центральное место в философии Сковороды занимает учение о трех «мирах» (*макрокосм* — «мир обительный», Вселенная; *микрокосм* — человек и социум; *мир символов*) и двух «натурах». «Все три Мыры состоят из двоих, Едино составляющих Естество, называемых *Матерія* и *Форма*. Сии *Формы* у Платона называются *Идеи*, сиречь *Видения*, *Виды*, *Образы*. Они суть Первородныи Мыры, Нерукотворенныя, Тайныя Вережки, преходящую Сень, или Материю, содержащія. Во великом, и в малом Мыре Вещественный Вид дает знать о утаенных под ним *Формах*, или вечных *Образах*. Такжеде и в *Симболичном*, или *Бібличном*, Мыре Собрание Тварей составляет *Материю*. Но Божіе Естество, куда Знаменіем своим ведет Тварь, есть *Форма*. Убо и в сем Мыре есть *Матерія* и *Форма*, сиречь *Плоть* и *Дух*, *Стень* и *Истина*, *Смерть* и *Жизнь*» (С.495).

Философ строит здесь свое учение о двух натурах, видимой и невидимой, посредством платоновских понятий. Начало всего сущего («невидимая натура», «Бог», «Форма», «Мысль», «Единое», «Ум всемирный», «Необходимость», «Дух», «Источник», «Иста», «Модель», «План», «Тождество», «Свет», «безначальное нНачало», «Трисолнечное единство Божие», «Слово», «Имя Божие» и др.) Сковорода описывает, в частности, так: «Сіе правдивое Начало везде живет. По сему Оно не Часть и не состоит из Частей, но целое и твердое, затем и неразоряемое, с места на место не преходящее, но единое, безмерное и надежное. А как везде, так и всегда есть. Все предваряет и заключает, само ни предваряемое, ни заключаемое. (...) *Начало* точное есть то, что прежде себе ничего не имело. А как вся тварь рождается и ищезает, так, конечно, нечто прежде ея было и после ея остается. И так, ничто *Началом* и *Концем* быть не может. *Начало* и *Конец* есть то же, что *Бог*, или *Вечность*. Ничего нет ни прежде Ея, ни после Ея. Все в неограниченных своих недрах вмещает, и не Ей что-либо, но Она все-

^a О параллелях с немецкой мистикой см.: Чижевський Д. Філософія Г. С. Сковороди. Харків, 2003 (первое изд.: Варшава, 1934).

^b Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М., 1968. С.6; Лосев А. Ф. Вл. Соловьев. М., 1983. С.8.

му Началом и Концем. *Начало и Конец* есть (...) то же. (...) *Вечность* не начинаемое свое и после всего остающееся Пространство даже до того простирает, чтоб Ей и предварять все-на-все.³ В ней так, как в Колце: первая и последняя Точка есть та же, и где началось, там же и кончилось» (С.735—736, 735). Невидимая натура есть «в Дереве истинным Деревом, в Траве Травую, в Музыке Музыкою, в Доме Домом, в Теле нашем Перстном *Новым* (...) Телом» (С.241), планом всех «*Коперниканских миров*» (С.242), «*Солнушком*» в Солнце (С.401), «Печатью», которая «одна расходится в Тысящу»; она — «един Скудельный Модель», который «сокрылся в Десяти Тысящах Сосудов» (С.478), «Единый День», в котором «Тысяща наших Лет сокрываются», «Единый Божий Человек в Тысяще наших», «простирающееся по всем Векам, Местам и Тварям Единство» (С.480), «Безначальное невидимое *Начало*, центр свой везде, окружности нигде не имущее» (С.594), «Твердь.., всякаго Разделенія и Осязанія чуждая» (С.943), «Изваяние премудрой Божией десницы, в Зверях, древах, горах, реках и травах» (С.521).

Видимую натуру, материю («сон», «тень», «болван», «тьма», «прах», «тварь», «плоть» «вещество», «земля», «грязь», «материал», «тлень», «пустошь», «внешность», «видимость», «темница», «лжа», «мечта», «суета», «ад», «стихия», «знамение», «идол», «предел», «ветошь», «сень», «маска», «рухлядь», «смесь», «сволочь», «вздор», «плетки» и др.) мыслитель интерпретирует как «ничто» — $\mu\eta\ \omicron\nu$ (абсолютная возможность): «Вся исполняющее *Начало* и *Мир* сей, находясь тенью Его, границ не имеет. Он всегда и везде при своем *Начале*, как тень при Яблоне. В том только разнь, что Древо жизни стоит и пребывает, а тень умалывается; то преходит, то родится, то ищезает и есть ничто. *Materia aeterna*» [материя вечна] (С.738).

Обе натуры вечны, хотя и неравноправны. Диалектика взаимодействия двух натур проявляется в виде перманентного акта творения — бесконечного процесса становления вещей. В сиянии сверхсущего Блага предстают *идеи* как предвечные парадигмы вещей, первичные порождающие модели, причащаясь которым материя — $\mu\eta\ \omicron\nu$ обретает бытийный статус. Так солнце, освещая дерево, является причиной появления его тени, которая «находится Обезьяною, подражающею во всем своей Госпоже Натуре».

Сверхсущее Единое, материя- $\mu\eta\ \omicron\nu$, особый способ их взаимодействия и некоторые другие моменты свидетельствуют о платоническо-неоплатоническом характере онтологической модели Сковороды. Это тем более примечательно, что профессора Киево-Могилянской Академии, как правило, отдавали предпочтение аристотелизму, и платоновское учение об *идеях* представало в их курсах объектом достаточно радикальной критики. Платон интерпретируется Сковородой в духе неоплатонизма, поскольку и в Средние века, и значительно

³Все-на-все. Graece: *Páμπαν. Universum* (примеч. Г. С. Сковороды).